

Л. А. Шамина
Институт филологии СО РАН

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ КАЖИМОСТИ И ПРИТВОРСТВА В ТУВИНСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ И СОВРЕМЕННЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация. В статье рассматриваются грамматикализованные сравнительные конструкции тувинского языка, выявленные в разножанровых текстах. Особое внимание уделяется маркеру стандарта сравнения.

Цель исследования – выявить и интерпретировать основные средства выражения притворства и кажимости в тувинских текстах: современных и фольклорных.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью семантики притворства и повышенным интересом к изучению национально-культурных особенностей языкового сознания представителей различных этносов. Представляется актуальным показать, какими лексическими единицами может вербализоваться семантика кажимости. Новизна исследования заключается в том, что впервые на материале тувинского языка исследованы сравнительные структуры и выявлены семантические типы маркеров указанной семантики в фольклорных и современных текстах.

Основные методы исследования – дескриптивный метод, метод структурного моделирования. В результате исследования выявлены и интерпретированы сравнительные конструкции, выражающие как реальное, так и ирреальное сравнение. В конструкциях ирреального сравнения ситуация, представленная в зависимой предикативной единице (ЗПЕ), не имеет места в реальной действительности. Она произвольно конструируется как субъективная интерпретация того, о чем сообщается в главной предикативной единице (ГПЕ). Это вымышленное, нереальное событие становится эталоном (стандартом) сравнения для реального события, выраженного в ГПЕ. Основным средством маркирования модусных значений в системе реального сравнения в тувинском языке являются компаративы: *ышкаш* ‘как’, ‘подобно’; *дег* ‘как’, ‘подобно’. Эти же маркеры отмечены и в ирреальных структурах. Маркирование ирреальной семантики осуществляется в тувинских фольклорных текстах многофункциональными формами от глагола *бол* = ‘быть’ (*бооп*, *боор* и др.). Семантический инвариант подобных конструкций – ‘делать вид (притворяться), что...’. Кроме того, широко употребительны синтаксические конструкции сказуемого, выражающие отношение сообщаемого или самого сообщения к реальной действительности с послелогом *дег*, *ышкаш*.

Установлено, что в рассматриваемых фольклорных текстах используются те же способы выражения сравнительных отношений, которые были выявлены для современного тувинского языка. Однако качественная сторона (комплекс средств и характер их функционирования) и количественная (частотность употребления этих единиц) определяются целью общения, зависят от конкретных экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: тувинский язык; эпос; языковая картина мира; притворство; кажимость; модус; аналитическая конструкция; сравнение; эталон

Для цитирования: Шамина Л. А. Вербализация семантики кажимости и притворства в тувинских фольклорных и современных текстах. Эпосоведение. 2024, № 1. С. 18–26. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-1-18-26

© Шамина Л. А., 2024
© Shamina L. A., 2024

ШАМИНА Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск, Россия. ORCID: 0000-0003-0539-7732; WoS Researcher ID: M-26-77-2018. E-mail: shamina_la@mail.ru

SHAMINA Lyudmila Alexeevna – Doctor of Philological Sciences, Principal Researcher at the Siberian Languages Sector, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0539-7732; WoS Researcher ID: M-26-77-2018. E-mail: shamina_la@mail.ru

L. A. Shamina

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Verbalization of the semantics of appearance and pretense in Tuvan folklore and modern texts

Abstract. The article examines grammaticalized comparative constructions of the Tuvan language, identified in texts of different genres. Particular attention is paid to the comparison standard marker.

The purpose of the study is to identify and interpret the main means of expressing pretense and appearances in Tuvan texts, both modern and folklore.

The relevance of the study is determined by the insufficient knowledge of the semantics of pretense and the increased interest in the study of the traditional and cultural characteristics of the linguistic consciousness of representatives of various ethnic groups. It seems relevant to show what lexical units can verbalize the semantics of appearance. The novelty of the research lies in the fact that for the first time, comparative structures were studied using the material of the Tuvan language and semantic types of markers of the specified semantics in folklore and modern texts were identified.

The main research methods are the descriptive method and the structural modeling method. As a result of the study, comparative structures expressing both real and unreal comparison were identified and interpreted. In constructions of unreal comparison, the situation presented to the dependent predicative unit (DPU) does not take place in reality. It is arbitrarily constructed as a subjective interpretation of what is reported in the main predicative unit (GPU). This fictitious, unreal event becomes the standard comparisons for a real event expressed in MPU. The main means of marking modal meanings in the system of real comparison in the Tuvan language are comparatives: *yshkash* 'like'; *deg* 'like'. The same markers are also noted in unreal structures. Marking of unreal semantics is carried out in Tuvan folklore texts with multifunctional forms from the verb *bol* = 'to be' (*boop*, *boor*, etc.). The semantic invariant of such constructions is 'pretend that...'. In addition, syntactic constructions of the predicate are widely used, expressing the relationship of the communicated or the message itself to reality with the postpositions *deg*, *yshkash*.

It was established that the folklore texts under consideration use the same methods of expressing comparative relations that have been identified for the modern Tuvan language. However, the qualitative side (the complex of means and the nature of their functioning) and the quantitative side (the frequency of use of these units) are determined by the purpose of communication and depend on specific extralinguistic factor.

Key words: Tuvan language; epic; linguistic picture of the world; pretense; appearance; mode; analytical construction; comparison; standard

For citation: Shamina L. A. Verbalization of the semantics of appearance and pretense in Tuvan folklore and modern texts. Epic studies. 2024, no. 1. Pp. 18–26. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-1-18-26

Введение

Воображаемая, субъективная реальность представляет собой особый внутренний модус человеческого бытия. Эта реальность вербализуется через модус кажимости. Как отмечала Н. Д. Арутюнова, «восприятие меняющегося мира превращает его в кажимость» [1, с. 73]. В значение кажимости входит сема «притворство». Это значение реализуется в тувинском языке в аналитических структурах со стандартами сравнения *болуп* 'словно', *дег* 'будто' и *ышкаш* 'как бы'. Семантический инвариант подобных конструкций – «делать вид (притворяться), что...».

Г. Г. Филиппов [2, с. 37–51], исследовавший категорию притворства и симулятивности на материале якутского языка, отмечал, что в тюркологии эту категорию относят к модальности глагола. Образуется она в якутском языке перифрастическими формами «при помощи сочетания глагола буол- «быть, стать» с причастием прошедшего времени на -быт/-батах и аффикса 3-го лица на -а притяжательного спряжения: -быта/-батаба буол-» [2, с. 38].

Автор не дает однозначного определения статуса данной формы. Учитывая структуру, семантику и отношение к реальной действительности, определяет ее как полифункциональную

форму. По последнему параметру – отношение к реальной действительности – Г. Г. Филиппов считает ее формой, выражающей «притворно-симулятивное действие» [2, с. 37].

В проведенном нами ранее исследовании значений тувинских аналитических перифрастических форм, образованных с помощью глагола *бол* = 'быть', также показана, их многофункциональность, отмечено пересечение с функционально-семантическими полями темпоральности, аспектуальности, модальности, отрицания [3, с. 162–193].

В результате проведенного анализа научных работ, посвящённых изучению семантики кажимости и притворства, на материале тувинского повествовательного текста, нами установлено, что специальных исследований по данному вопросу не предпринималось. Лексико-семантическая группа глаголов поведения в тувинском языке рассматривалась в диссертационном исследовании А. Я. Салчак [4], где выделена группа глаголов притворства.

Интерес к вербализации данной семантики обусловлен тем, что она является одним из базовых понятий человеческой культуры, ключевых понятий человеческого сознания, которые фигурируют в философских системах и лингвистике.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью семантики притворства и повышенным интересом к изучению национально-культурных особенностей языкового сознания представителей различных этносов.

Цель нашего исследования – выявление места семантики кажимости и притворства, репрезентируемых в текстах разного дискурса, в языковом сознании носителей языка и в системе национально-культурных образов. Для достижения поставленной цели ставится задача рассмотреть способы выражения семантики кажимости: морфологические, лексические, синтаксические, используя выборки единиц из словарей, переводы фольклорных и современных текстов.

Материалом для статьи послужили примеры, собранные методом сплошной выборки из фольклорных произведений и примеры из текстов современных писателей. Общий объем проанализированных нами фольклорных текстов, составляет 170 страниц тома «Мифы. Легенды. Предания тувинцев» – 75 мифов [5]. Современные авторы представлены романами и отражены в списке источников.

В результате исследования выявлены глаголы и аналитические структуры с семантикой «словно, как бы, будто». Эта семантика, по выражению И. В. Силантьева [6, с. 53], передается союзами «уклончивого сравнения», характерными «для интерпретации, которая сомневается в самой себе».

1. Структура сравнительной конструкции. Маркеры сравнения

Мы в своей работе [7, с. 245] дали характеристику сравнительной конструкции тувинского языка и выявили основные средства маркирования семантики сравнения. Нами было отмечено, со ссылкой на работы предшественников, что элементами сравнительной конструкции являются: предмет сравнения (CMPR1 – первый компарат (предмет сравнения)), показатель сравнения (компаратив), который делает содержащий его компонент «компаративным компонентом, а всю конструкцию – сравнительной конструкцией» [8, с. 57; 9, с. 18, 21]. В этой роли в ряде случаев может выступать морфема в составе словоформы (например, *-сыг/-сиг, -зыг/-зиг...*), представляющей эталон (стандарт) сравнения (CMPR2) [10, с. 53–64], но чаще используется отдельное служебное слово; иногда эту роль выполняет и знаменательное слово, в частности сказуемое, выраженное лексемой, в семантике которой содержится сема «подобие» (например, рус. 'похож', 'подобен', 'напоминает', тув. *хевирлеш, дүрзүлеш* 'подобный'). Кроме того, в состав простых сравнительных конструкций входит еще один компонент – параметр (PRM), называемый также признаком сравнения или модуль сравнения [9, с. 6, 13], по которому предмет сравнения сближается с эталоном.

В настоящей статье анализируются структуры и выделяются основные средства выражения притворства и кажимости в тувинских текстах: современных и фольклорных.

Каждый из этих смысловых компонентов «может быть выражен различными способами – лексическим, морфологическим, синтаксическим – или оставаться невербализованным» [10, с. 55]. В тувинских текстах возможны ситуации, когда и параметр сравнения и экспонента (дополнительная характеристика отношения с точки зрения степени сходства или различия) не получают вербального выражения.

2. Конструкции кажимости и притворства как способ выражения сравнительных отношений

В пространстве языка выделяются категории с различной степенью отклонения от истины, среди которых выделяется ‘кажимость’, куда входит и сема ‘притворство’.

Национальное мировидение отражается в принципах воспроизведения мира человеческой души. Писатели исходят из мысли о сопоставимости и тождественности явлений душевной жизни человека и природных явлений. Поэтому и современная проза, и фольклор, изображая человека, сопоставляют его с явлениями природного мира. Этим объясняется высокая частотность приема сопоставления человека и животного, человека и растительного мира для показа как внешних – движений, жестов, так и внутренних побуждений героев, их мыслей и чувств.

В фольклорных текстах и современной прозе используется, прежде всего, сопоставление с природой, животным миром, космосом.

Семантика «сравнение» включает подтипы: «отождествление», «несходство», «сходство», «имитация» и «контраст». Показатель сравнительного отношения (REL) – формальное средство, указывающее на тип отношений между компонентами, репрезентирует сравнительные отношения: сходство (равенство), различие (неравенство) [11].

2.1. Конструкции с показателем стандарта сравнения, образованным от глагола *бол=‘быть’*

В своих произведениях авторы используют персонифицированные образы внешнего мира, например, звезды Угер-Шолбан, горы Монге-Сартык. Как современные авторы, так и фольклорные произведения раскрывают как эпохальные исторические события, так и приметы происходящего процесса модернизации традиционного уклада жизни.

Основанием параметра сравнения служит либо способ действия, либо манера поведения.

Далее мы рассмотрим некоторые стратегии поведения, превращения, подражания человека миру природы.

В примерах мы будем указывать семантику кажимости (притворства) глоссой Im – имитация.

2.1.1. Притворство как стратегия поведения, репрезентируется глаголами неестественного поведения

(1) Удаан бооп мегеленир, удуучаңнаар [12, с. 453].

уда=ан		бооп	мегеле=н=ир
спать=PP3SG	Im	обманывать=RFL=PrP3SG	
удуучаңна=ар			
притворяться.спящим=PrP3SG			

‘Притвориться спящим’. Букв¹: ‘став будто спал (обманул), притворился спящим’.

[(он) спал^{PRM}]^{CMPR1} как будто^{REL} [притворился^{PRM}(спящим)]^{CMPR2}

Первый компарат – ‘он спал’, второй компарат – ‘притворился’ (спящий), маркер сравнения – частица *бооп*. Параметр сравнения – ‘сон’, аспект параметра – ‘тихо, без движения’.

Структурная схема имеет вид: Tv=PP Im V. Где Tv – основа глагола. PP – причастие прошедшего времени на =ган. Im – симулятив.

¹ Здесь и далее переводы примеров на русский язык произведены автором статьи

(2) *Инек-Сокпа катап-ла өлүглендир удуп калган олурда, ооң чанынга Хек ужжуп келгеш, кукуңайындыр алгыра берген* [5, с. 64].

Инек-Сокпа	катап-ла	өлүглен=дир	уду=п	кал=ган
Инек-Сокпа	снова-PTCL	умирать=CAUS	спать=CV	AUX=PP
олур=да	ооң	чанын=га	хек	уж=уп
AUX=LOC	он.GEN	сторона=DAT	кукушка	летать=CV
кел=геш	куку=ңайындыр	алгыр=абер=ген		
AUX=CV	куковать=RITM	кричать=CV	AUX=PP	

‘Когда Сова снова заснула, будто мертвая, к ней подлетела Кукушка и стала куковать’.

В примере (2) симулятивное действие выражено АК *өлүглендир удуп калган олурда* ‘когда заснула, будто мертвая’. Глагол *өлүглендир* репрезентирует стандарт (эталон) сравнения ‘умирать’. Предмет сравнения является *өлүглендир удуп калган олурда* ‘заснула’. Основание параметра – ‘сон’, аспект параметра – ‘глубокий’.

Стандарт сравнения *будто, как будто* употребляются в структурах, где CMPR1 выражен глаголами «спать», «притворяться», «казаться», «думать». Такие структуры выражают ирреальные ситуации.

В составе таких сравнительных структур кажимости, притворства часто используются полнозначные глаголы поведения, в семантической структуре которых содержатся инвариантные семы «вести себя как-либо» или «вести себя как-либо по отношению к кому-либо». Обязательным компонентом является стандарт сравнения, выраженный формой глагола *бол*= ‘быть’ (*бооп*).

(3) *Эзирик-элээри орта билдинмес, ол хиреде улуг эзирик кижилер бооп, мегеленип турары илдең* [13, с. 47].

эзирик	элэ=эр=и	орта	билдинмес	ол
пьяный	трезвый=PrP=POSS3		норамально	непонятно
хиреде	улуг	эзирик	кижи=лер	бооп
несмотря.на.	сильный	пьяный	человек=PL	Im
мегеле=н=ип		тур=ар=ы	илдең	
притворяться=RFL=CV		AUX=PrP=POSS3	ясно	

‘Толком не разберешь, пьяные или трезвые, но, несмотря на это, ясно, что притворяются, будто сильно пьяные’.

Такие конструкции близки к модальным, но здесь обязательным является сопоставление ирреальной ситуации с другой, реальной. Что и отличает данные сравнительные конструкции от модальных со значением недоверности.

2.1.2. Превращение в насекомых, в звезду, птиц и т. п. как стратегия поведения человека и животных

В рассматриваемых примерах CMPR1 – предмет сравнения – может быть человек, животное, насекомое, трава и др. CMPR2 – стандарт сравнения (если он выражен) – репрезентируют лексемы, называющие звезд, птиц, рыб и др. Отношение, суждение о сходстве (подобии) или различии компаратов фиксируется в формулах как (REL).

Превращение человека в звезду:

(4) *Өскүс-оол боду база сылдыс бооп туруп калган* [5, с. 42].

Өскүс-оол	боду	база	сылдыс	бооп	тур=уп	кал=ган
Осукс-оол	сам	тоже	звезда	Im	находиться=CV	AUX=PP

‘Сам Оскус-оол, тоже став будто звезда, [там] остался’.

Превращение животных в звезду:

(5) *Оон үш мыйгаа үш сылдыс бооп, дээрге артып калган* [5, с. 42].

оон	үш	мыйгаа үш	сылдыс	бооп	
он.GEN	три	маралуха	три	звезда	Im
дээр=ге	арт=ып	кал=ган			
небо=DAT	оставаться=CV	AUX=PP			

‘Тогда три маралухи превратились в звезды и остались на небе’.

Превращение человека в птиц:

(6) *Ол куш бооп ужсуп чоруй баргаи, Хек деп куш апарган* [5, с. 74].

ол	куш	бооп	уж=уп	чору=й	бар=гаш	Хек
он	птица	Im	летать=CV	AUX=CV	AUX=CV	кукушка
де=п		куш	апар=ган			
говорить=CV		птица	AUX=PP			

‘Улетев, будто стала птицей, называемой кукушкой’.

Превращение человека в рыбу:

(7) *Оон мезил болган* [5, с. 58].

оон	мезил	бол=ган
он.ABL	налим	стать=PP

‘Потом она будто стала налимом’.

Уподобления, подражания насекомых, травы другим субстанциям:

(8) *Хүндүс ижер шайы – кара оът, дүне ижер шайы – чөвүрээ карты болу берип-тир эвеспе* [14, с. 74].

хүндүс	ижер	шайы	кара	оът	дүне	ижер
днем	пить	чай	черный	трава	ночью	пить
шайы	чөвүрээ	карты	бол=у	бер=ип-тир	эвеспе	
чай кора	корка	быть=CV	AUX=CV-PTCL	PTCL		

‘И стала будто чай, что днем они пили, простая трава, а чаем, что ночью пили – [деревьев] кора’.

(9) *Оон бээр-ле кымыскаяктар шуптузу үзүк-боолук болу берген.* [5, с.58].

оон.бээр-ле	кымыскаяк=тар	шупту=зу
с.тех.пор	мураваей=PL	все=POSS3
үзүк.боолук	бол=у	бер=ген
местами.утолщенный	быть=CV	AUX=PP

‘С тех пор муравьи стали как бы перерубленными пополам’.

Подражание голосу:

(10) *Үгү-даа, чүзү боор, чаи уруг өттүнүп чакырып эди, дилги өттүнүп-даа олурган* [5, с. 66].

үгү-даа	чү=зү	боор	чаш	уруг
филин	что=POSS3Sg	Im	маленький	ребенок

өттүн=үп	чакыр=ып	эд=ип	дилги
подражать=CV	кричать=CV	издавать.звук=CV	лиса
өттүн=үп-даа	олур=ган		
подражать=CV=PTCL	сидеть.AUX=PP		

‘Тут же Филин стал подражать плачу грудного ребенка, [лаю] лисы’.

Формы глагола *бол*=: *бооп* (равно как и *болу*, *боор*, *болур*) перешедшие или переходящие в частицы [15], в рассмотренных примерах идентифицируют предмет сравнения с эталоном и выражают «притворно-симулятивное действие» [2, с. 37].

2.2. Аналитические показатели стандарта сравнения *дег* ‘будто’, *ышкаш* ‘будто, как бы’ в конструкциях с семантикой кажимости

(11) *Сен мээң чанымда мээң-биле чугаалажып олурган дег-дир сен* [16, с. 159].

сен мээң	чанымда	мээң-биле	чугаала=ж=ып
ты я.GEN	около	я.GEN.INSTR	говорить=RECIP=CV
олур=ган	дег-дир сен		
AUX=PP	Im.PTCL	ты	

‘Ты будто разговаривал рядом с мной’.

(12) *Мен сугда ыяш ышкаш сириңейнип тур мен* [16, с. 200].

мен	суг=да	ыяш	ышкаш сириңе=йн=ип
я	вода=LOC	дерево	COMP.как трястись=RITM=CV
тур	мен		
AUX.стоять=PREZ	я=PERS=1Sg		

‘Я трясусь, словно дерево в воде’.

Специфика этого предложения в том, что перцептивный модус, представляющий субъективный смысл предложения, имплицитен (‘чувствую’). Диктум, обозначающий событийную рамку высказывания – параметр сравнения (или модуль сравнения) (PRM) – выражен аналитической конструкцией сказуемого – *сириңейнип тур мен* ‘трясусь я’. Маркер сравнения, выражающий сравнительные отношения между предметом сравнения *мен* ‘я’ и эталоном сравнения *сугда ыяш* ‘дерево в воде’, представлен компаративом *ышкаш* ‘как, будто’.

2.3. Синтетические показатели стандарта сравнения ‘будто’ в конструкциях с семантикой кажимости

Семантику кажимости, подобия может выражать аффикс *-сиг* (и его фонетические варианты).

(13) *Спутник дээрде сылдыс чүгүргензиг ужжуп эртти* [17, с. 97].

спутник	дээр=де	сылдыс	чүгүр=ген=зиг	уж=уп
спутник	небо=LOC	звезда	бежать=PP=Im	лететь=CV
эрт=ти				
проходить=PAST _{fin}				

‘Спутник в небе будто звезда летел’.

Здесь предметом сравнения (CMPR1) является ‘спутник (светился)’, стандартом сравнения – словосочетание *сылдыс чүгүрген* ‘звезда летела’ (CMPR2). Параметром сравнения является признак ‘выделяться светом, сверкать’. Аспект параметра – ‘сверкать’ – лексически не выражен, он может быть достроен при помощи контекста и ассоциаций [10], на него указывает показатель сравнения – аффикс *-зиг* ‘будто’, который репрезентирует аспект сравнения (PRM.ASP) – ‘ярко, точкой’. Структурная схема $[N N=de]^{CMPR1} [N V^{REL-зиг}]^{CMPR2}$

В высказываниях с модусом кажимости выражена особая структура представления знаний о мире и человеке, особый способ создания языковой картины мира. Реализуется возможность создавать языковыми средствами разные картины мира: «мир, как он есть» и «мир, каким он кажется».

Заключение

Выявлены средства выражения притворства и кажимости в тувинских текстах: мифах, легендах, преданиях, а также в текстах современных авторов. Компаративная семантика и сравнительный эффект в ситуациях с семантикой кажимости в текстах разных жанров создается при сравнении непосредственно наблюдаемой ситуации и ее интерпретацией наблюдающим. Семантика кажимости вербализуется языковыми единицами разных уровней: лексико-синтаксическим, морфологическим и синтаксическим.

Основное средство выражения кажимости и симулятивности – это служебные слова от глагола *бол* = ‘быть’.

Кроме того, в текстах употребительны синтаксические конструкции сказуемого, выражающие отношение сообщаемого или самого сообщения к реальной действительности с послелогами *дег*, *ышкаш*. Морфологический уровень представлен использованием аффикса *-сыг*. Степень продуктивности использования тех или иных средств выражения значения сравнения является различной.

Мифологическая модель миропонимания выступает художественно-эстетическим средством выражения многогранного национального менталитета тувинского народа.

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

ГПЕ – главная предикативная единица; **ЗПЕ** – зависимая предикативная единица; **ABL** – исходный падеж; **AUX** – вспомогательный глагол; **CAUS** – каузативный (понудительный) залог; **CMPR1** – первый компарат (предмет сравнения); **CMPR2** – второй компарат (эталон, или стандарт, сравнения); **COMP** – служебное имя со сравнительным значением; **CV** – деэпричастие; **GEN** – родительный падеж; **DAT** – дательный падеж; **INSTR** – инструменталис; **Im** – Imitation (имитация); **LOC** – локатив; **PAST_{ин}** – форма прошедшего времени на =ды; **PERS** – персональность; **POSS** – посессивность; **POSTP** – послелог; **PP** – форма прошедшего времени на =ган; **PL** – множественное число; **PRM** – параметр сравнения; **PrP** – причастная форма настоящего-будущего времени на =ар; **PTCL** – частица; **REL** – показатель сравнительных отношений; **RECIP** – совместно-взаимный залог; **RITM** – ритмический вид; **SG** – единственное число.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Т. Г. Винокур. – Москва : Наука, 1996. – С. 61–90.
2. Филиппов, Г. Г. Категория притворства и симулятивности в якутском языке // Алтаистика. – 2023. – № 1 (08). – С. 37–51. – DOI : 10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.46.72.004.
3. Шамина, Л. А. Перифрастические формы тувинского глагола (структура и семантика) // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск : Издательство НГУ. – 2003. – Вып. 11. – С. 162–193.
4. Салчак, А. Я. Лексико-семантическая группа глаголов поведения в тувинском языке: в сопоставительном аспекте : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Новосибирск, 2005. – 22 с.
5. Мифы, легенды, предания тувинцев / составители Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. – Новосибирск : Наука, 2010. – 372 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28). (На тувинском и рус. яз.)
6. Силантьев, И. В. Текст в системе дискурсных взаимодействий. – Новосибирск : НГУ, 2004. – 188 с.
7. Шамина, Л. А. Генитивные и аблативные посессивные конструкции как маркеры сравнения в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. – 2023. – № 4. – С. 243–259. DOI : 10.17223/18137083/85/18.
8. Черемисина, М. И. Некоторые вопросы синтаксиса: сравнительные конструкции современного русского языка : материалы спецкурса. – Новосибирск : НГУ, 1971. – 181 с.

9. Черемисина, М. И. Сравнительные конструкции русского языка. – Новосибирск : Наука, 1976. – 270 с.
10. Федина, Н. Н., Кошкарева, Н. Б. Редукция как механизм варьирования сравнительных аналитико-синтетических полипредикативных конструкций с послелогом шылап // шылап // шынап ‘как, как будто’ в чалканском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2023. – № 2. – Вып. 46. – С. 53–64. – DOI : 10.25205/2312-6337-2023-2-53-64.
11. Девятова, Н. М. Диктумно-модусная организация сравнительных конструкций в русском языке : автореферат диссертации на соискание доктора филологических наук. – Москва, 2011. – 49 с.
12. Русско-тувинский словарь / редактор Д. А. Монгуш. – Москва : Русский язык, 1980. – 560 с.
13. Сюрюн-Оол, С. С. Зелёный остров (Ногаан ортулук). – Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1986. – 208 с. (На тувинском яз.)
14. Тувинские народные сказки / составитель З. Б. Самдан. – Новосибирск : Наука, 1994. – 460 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На тувинском и рус. яз.)
15. Черемисина, М. И., Шамина, Л. А. Выражение сравнения в тувинском языке. // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск : Издательство НГУ, 1996. – Вып. 3. – С. 65–84.
16. Тамба, С. Уелерниң үскүлежи. – Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1984. – 256 с. (На тувинском яз.)
17. Сат, Ш. Ч. Современный тувинский литературный язык. Синтаксис (Амгы тыва литературлуг дыл. Синтаксис). – Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1983. – 131 с. (На тувинском яз.)

References

1. Arutyunova, N. D. Dostoevsky's style within the framework of the Russian picture of the world. In: Poetics. Stylistics. Language and culture: in memory of T. G. Vinokur. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 61–90. (In Russ.).
2. Filippov, G. G. The category of pretense and simulativeness in the Yakut language. *Altaistics*. 2023, No. 3, pp. 31–51. DOI: 10.25587/ALTAISTICSVFU.2023.46.72.004. (In Russ.).
3. Shamina, L. A. Periphrastic forms of the Tuvan verb (structure and semantics). *Languages of the indigenous peoples of Siberia*. Vol. 11, 2003, Novosibirsk, NSU Publ. House, pp. 162–193. (In Russ.).
4. Salchak, A. Ya. Lexico-semantic group of verbs of behavior in the Tuvan language: in a comparative aspect: abstract of the thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences. Novosibirsk, 2005, 22 p. (In Russ.).
5. Myths, legends, traditions of the Tuvans. Compilers N. A. Alexeev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan, Zh. M. Yusha. Novosibirsk, Nauka Publ., 2010, 372 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 28). (In Tuvan and Russ.).
6. Silantiev, I. V. Text in the system of discourse interactions. Novosibirsk, NSU Publ. House, 2004, 188 p. (In Russ.).
7. Shamina, L. A. Genitive and ablative possessive constructions as markers of comparison in the Tuvan language. *Siberian Journal of Philology*. No. 4, 2023, pp. 243–259. DOI: 10.17223/18137083/85/18. (In Russ.).
8. Cheremisina, M. I. Some problematic issues of the syntax (Russian comparative constructions). Novosibirsk, NSU Publ. House, 1971, 181 p. (In Russ.).
9. Cheremisina, M. I. Comparative constructions of the Russian language. Novosibirsk, Nauka Publ., 1976, 270 p. (In Russ.).
10. Fedina, N. N., Koshkareva, N. B. Reduction as a mechanism of variation of comparative analytical synthetic polypredicative constructions with the postposition shylyap // schylyap // schynap ‘as if’ in the Chalkan language. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2023, No. 2, Iss. 46, pp. 53–64. DOI: 10.25205/2312-6337-2023-2-53-64. (In Russ.).
11. Devyatova, N. M. Dictum-modus organization of comparative constructions in the Russian language: abstract of the thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2011, 49 p. (In Russ.).
12. Russian-Tuvan dictionary. Editor D. A. Mongush. Moscow, Russkijazyk Publ., 1980, 560 p.
13. Syuryun-Ool, S. S. Green Island (Nogaan ortuluk). Kyzyl, Tuvan Book Publ., 1986, 208 p. (In Tuvan).
14. Tuvan folk tales. Compiler Z. B. Samdan. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994, 460 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East). (In Tuvan and Russ.).
15. Cheremisina, M. I., Shamina, L. A. Expression of comparison in the Tuvan language. *Languages of the indigenous peoples of Siberia*. Novosibirsk, NSU Publ. House, 1996, Iss. 3, pp. 65–84. (In Russ.).
16. Tamba, S. School of Education. Kyzyl, Tuvan Book Publ., 1984, 256 p. (In Tuvan).
17. Sat, Sh. Ch. Modern Tuvan literary language. Syntax. Kyzyl, Tuvan Book Publ., 1983, 131 p. (In Tuvan).